

Перестав быть секретарём комитета комсомола, я, однако, не мог оставаться без работы, и на последнем курсе меня прияли в штат Научной библиотеки университета сначала на должность библиографа, затем — главного библиографа. Это была очень интересная и очень важная полоса в моей жизни.

Заведовал научно-библиографическим отделом знаток книги, человек с широкой эрудицией Георгий Алексеевич Скопин. По существу, он научил меня любить книгу и работать с ней. Научно-библиографический отдел стал

Здание Научной библиотеки КГУ, в котором
в 1940-е годы работал Г. Н. Вульфсон.

Г. А. Скопин.

для меня вторым университетом. Сюда приходили интересные люди: художники, искусствоведы, архитекторы, историки, писатели, театралы и театроведы. Здесь бывали театральные художники Никитин, Гельмс, Сперанский, искусствоведы Егерев и Дульский, писатель Бруно Зернит, крупный исследователь биографии Лобачевского Модзалевский и многие другие. Я не только их видел, разговаривал с ними, получал ценнейшую информацию и жадно впитывал её. В самом отде-

Сотрудники Научной библиотеки КГУ.

В. А. Митрофанов (первый слева в первом ряду),
Г. А. Скопин (первый справа в первом ряду),
Л. А. Фамина (вторая справа во втором ряду).

Н. Г. Чеботарёв.

ле работали скромные, но очень опытные и знающие библиографы, уже пожилые женщины — Аксёнова и Фамина. Они учили меня библиографическому искусству.

Коллектив был малочисленный, всего четыре человека. В комнату во время войны вмонтировали «голландку», которую мы отапливали дровами, неизвестно где и как добытыми. Пекли картошку и, конечно, пили чай. Моя работа была рядом с домом. И строение во дворе университета (общежитие № 4), где я жил, и библиотека находились буквально в пяти минутах ходьбы друг от друга.

Через некоторое время на меня возложили обязанность готовить биобиблиографические указатели о профессорах Казанского университета и казанцах — лауреатах Сталинской премии. Тогда же был подготовлен и издан путеводитель по библиотеке, написанный В. Г. Киселёвой. Я входил в редколлегию этих серий, но главное, на мне лежала вся организационная работа. Работая над серией о профессорах университета, встречался со всеми из них по делам издания.

Пришёл как-то домой к члену-корреспонденту Академии наук СССР Чеботарёву. И не один, а с фотографом, поскольку каждая книжка серии имела фотопортрет учёного. Николай Григорьевич сниматься отказался:

$$\begin{aligned} k_k = \sum_{n=1}^m p^k(b_n) e^{iM_n}, \\ \text{für die komplexen } G, \\ \sum_{n=1}^m p^k(b_n) \cos \lambda b_n, \\ \sum_{n=1}^m p^k(b_n) \sin \lambda b_n. \end{aligned}$$

«У меня есть готовая фотография». Чеботарёв на ней был запечатлён в махровом халате в ванной комнате, сидит на стуле и держит в руках развернутую книгу. Это была Библия. Я смущённо спросил: «А нельзя ли другую фотографию?» «Нет, — ответил он. — Хочу, чтобы опубликовали именно эту». Спорить с Чеботарёвым было бесполезно. Правда, с фотографией поработал ретушёр, и не очень-то уже было видно, что она сделана в ванной комнате. Но махровый халат и книга в руках остались. Все остальные книжечки этой серии вышли со строгими, официальными портретами. К сожалению, эту серию, хорошо принятую общественностью, нам не удалось завершить.